

23–25 апреля 2025 г.

“Oh, no! Not on Wednesday! On Thursday!”: interjection in the context of speech disfluency

Podlesskaya V. I.

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia
podlesskaya@iling-ran.ru

Abstract

The subject of the study is a special class of uses of the Russian interjection OY, namely, uses in the context of speech disfluencies. The study is based on data from three corpora—the oral and the multimedia (MURCO) subcorpora of the Russian National Corpus and the pilot version of the corpus of oral personal stories “What I saw”. The main types of speech disfluencies in the context of which speakers resort to using the interjection OY, the structure of constructions with OY, as well as the features of their phonetic—segmental and suprasegmental—implementation are investigated. From a quantitative point of view, a comparison of the use of OY in oral public and oral non-public speech is carried out. It is shown that although OY in oral non-public speech occurs, as could be expected, many times more often, the proportion of OY as a marker of a speech disfluency in relation to the total number of uses of OY is almost the same in public and non-public varieties of oral speech. These quantitative data suggest that the general distribution of the use of OY and the distribution of OY as a marker of speech disfluency are not regulated by the same factors. The general distribution is associated with the degree of spontaneity and publicity of speech: interjections as exclamatory discursive markers become more appropriate when the speaker is not constrained by disciplinary guidelines and can allow himself to express emotions and give assessments more freely. And the distribution of OY as a marker of speech disfluency is also associated with the density of speech disfluencies themselves. Of course, this density varies among individual speakers, but at the same time it largely depends on the general principles regulating the generation of unprepared discourse.

Keywords: interjection, speech disfluency, spoken discourse, corpus

DOI: 10.28995/2075-7182-2025-23-267-280

«Ой, нет! Не в среду! В четверг!»: корпусное исследование междометия в контексте речевого сбоя

Подлеская В. И.

Институт языкознания РАН, Москва, Россия
podlesskaya@iling-ran.ru

Аннотация

Предмет изучения — особый класс употреблений русского междометия ОЙ, а именно употреблений в контексте речевых затруднений и сбоев. Материалом послужили данные трех корпусов устной речи — устного и мультимедийного подкорпуса НКРЯ (МУРКО) и пилотная версия корпуса устных личных рассказов «Что я видел». Исследованы основные типы речевых затруднений, в контексте которых говорящие прибегают к использованию междометия ОЙ, структура конструкций с ОЙ, а также особенности их фонетической — сегментной и супrasegmentной — реализации. С количественной точки зрения проведено сравнение употребления ОЙ в устной публичной и устной непубличной речи. Показано, что хотя ОЙ в устной непубличной речи встречается, как и можно было ожидать, многократно чаще, доля ОЙ как маркера речевого сбоя по отношению к общему числу употреблений ОЙ оказывается почти одинаковой в публичной и непубличной разновидностях устной речи. Эти количественные данные позволяют предположить, что общее распределение употребления ОЙ и распределение ОЙ как маркера речевого сбоя регулируются не одними и теми же факторами. Общее распределение связано с мерой спонтанности и публичности речи: междометия как экскламативные дискурсивные маркеры становятся более уместными, когда говорящий не скован дисциплинарными установками и может позволить себе более свободно выражать эмоции и давать оценки. А распределение ОЙ как маркера речевого сбоя связано еще и с плотностью самих речевых сбоев. Разумеется, эта плотность варьируется у индивидуальных говорящих, но при этом она в большой степени зависит от общих принципов, регулирующих порождение неподготовленного дискурса.

Ключевые слова: междометие, речевые сбои, устная речь, корпус

1 Постановка задачи

В данной работе мы исследуем особый класс употреблений русского междометия ОЙ, а именно употребления в контексте речевых затруднений и сбоев. Представление об этом классе случаев дают следующие примеры из устного подкорпуса НКРЯ, в них ОЙ появляется там, где говорящий обнаруживает в собственной речи оговорку, спохватывается и исправляет ее:

- (1) Кролик? Недолго был. Потому что мы его отдали в зоопарк/ *ой/ не* в зоопарк/ *а* в детский садик. У них в звериный уголок/ живой уголок/ точнее. [Разговор студентов о домашних животных (2009)]
- (2) Ну короче он месяц назад сломал/ *ой не* сломал/ *а* вывихнул ногу/ прокатился на скейте. [Телефонный разговор двух подруг (2005)]

Мы рассмотрим основные типы речевых затруднений, в контексте которых говорящие прибегают к использованию междометия ОЙ, структуру конструкций с ОЙ, а также особенности их фонетической — сегментной и супraseгментной — реализации. Материалом исследования послужили данные трех корпусов — устного и мультимедийного подкорпуса НКРЯ (МУРКО) и пилотная версия корпуса устных личных рассказов «Что я видел», далее — «ЧВ» (Коротаев и др. 2024)¹. Примеры из устного подкорпуса НКРЯ и из МУРКО приводятся в полной графической форме как она дана в НКРЯ. Для примеров из МУРКО при необходимости приводится также просодическая транскрипция части примера с разметкой движения тонов и локализацией фразовых акцентов, а также осциллограмма и интонограмма в формате анализатора PRAAT (Voersma, Weenink 2021). Примеры из корпуса ЧВ приводятся в просодической транскрипции и также, при необходимости, снабжаются визуализацией в PRAAT'e.²

В специальной литературе и в словарях употребление междометия ОЙ связывается с реакцией на неожиданно возникшую проблему. Так, в работе Шаронов 2009: 24, 26 указывается, что ОЙ оправдано, когда «сбой, небольшая ошибка в деятельности могут вызвать вскрик досады». Близкую идею формулируют и словари. Так, в Большом толковом словаре русского языка (Кузнецов 2003) указано, что ОЙ употребляется, в частности, как «выражение досады, сожаления, предупреждения о возможных трудностях». В Большом универсальном словаре русского языка (Морковкин и др. 2019) в числе прочих приводится следующее значение ОЙ: «восклицание, к-рое употр. при неожиданно возникших обстоятельствах, препятствующих продолжению разговора или другой совместной деятельности. Син. <ой-ой-ой разг.>. □ *Ой, одну минуточку, не кладите трубку, здесь кто-то стучит, я сейчас.*». Междометие ОЙ в том классе употреблений, который рассматривается в данной работе, можно считать частным случаем маркера обнаружения неожиданной проблемы.

Главная особенность этого класса состоит в том, что источником проблемы является сам говорящий. В ходе речепорождения говорящий решает одновременно несколько сложных задач — формирует речевое задание, артикулирует порцию дискурса, осуществляет мониторинг и ревизию артикулированного фрагмента на предмет его соответствия исходному заданию и устраняет, в случае несоответствия, обнаруженную проблему. Таким образом, говорящий выступает, как минимум, в двух лицах — как нарратор и как ревизор сказанного. Для говорящего-ревизора затруднение, которое испытывает говорящий-нарратор оказывается неожиданно возникшей внешней(!) проблемой, вызывающей комплекс речевых реакций: нужно сообщить

¹ Приводимые примеры, если не указано иное, взяты из НКРЯ. Примеры из корпуса «Что я видел» снабжены аббревиатурой «ЧВ».

² В просодической транскрипции для указания на направление движения тона иконически используются знаки «/», «\» и «-». Ударный слог слова — носителя рематического акцента подчеркивается. Длина пауз в секундах указывается в круглых скобках; пауза может быть абсолютной или вокализованной: ц, ? , э и др. Внутри фигурных скобок приводятся обозначения неречевых вокальных действий: gr — сглатывание, hm — хмыканье, ехр — откашливание и др. Сильная редукция отмечается серым цветом шрифта, ускоренное произнесение — курсивом. О других деталях используемой системы просодической транскрипции см. Кибрик, Подлеская 2009. Напомним, что в той версии примера, которая дается по МУРКО, знак «/» имеет другую интерпретацию — там он используется для членения речевого потока. В сегментное наполнение в просодической транскрипции вносятся при необходимости уточнения по сравнению с графическим вариантом МУРКО.

слушающему о неожиданно возникшей проблеме, выразить свое к ней отношение (обычно отрицательное — как и при других проблемах, возникающих неожиданно), и, по возможности немедленно, проблему устранить. Решению этого комплекса задач служат конструкции с междометием Ой. Устройство и функционирование конструкций с Ой в контексте речевых затруднений будет рассмотрено ниже в следующем порядке: в разделе 2 обсуждаются варианты фонетической реализации междометия Ой в контексте речевых затруднений, в разделе 3 рассматриваются типы речевых затруднений, которые обнаруживаются в конструкциях с Ой, в разделе 4 приводятся некоторые количественные результаты по данным МУРКО, в разделе 5 подводятся краткие итоги исследования.

2 Варианты фонетической реализации междометия Ой в контексте речевых затруднений

В прототипическом случае в качестве сигнала речевого затруднения Ой акцентируется и произносится с нисходящим тоном или с восходяще-нисходящим тоном — с искривлением тона, типичным для эмфазы (Янко 2008: 83–97). В следующем примере Ой возникает в той точке, где говорящий (в своей ипостаси ревизора) обнаруживает, что он (в своей ипостаси нарратора) оговорился и вместо правильного *сорок недель* выпалил *сорок дней*:

- (3) Неужели работать сорок часов в неделю/ сорок дней/ ээ **ой**/ сорок недель в год/ сорок лет за пятнадцать тыщ — это нормально? [Дебаты участников предварительного голосования по определению кандидатов в депутаты в Государственную думу в Санкт-Петербурге (02.04.2016) (2016)]

Неужели работать сорок часов в /неделю,
(0.29)

сорок /дней ==

(0.24)

(э 0.69) /ой!,

сорок недель /в год,

сорок \лет за-а пятнадцать /тыщ,

это \нормально?!

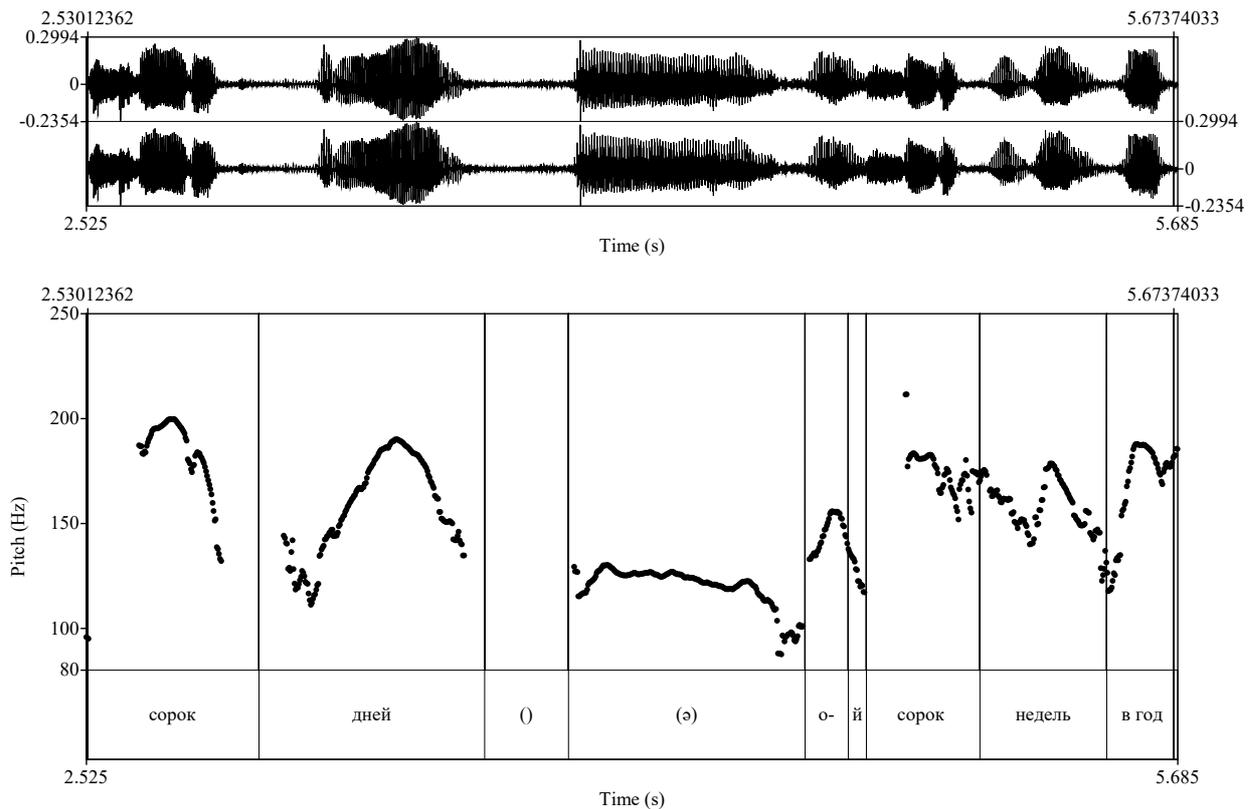

Рисунок 1. Осциллограмма и интонограмма примера (3)

Иногда используются дополнительные средства усиления эмфазы на междометии. Если это усиление связано с подчеркиванием неожиданности и трудности возникшей проблемы, то говорящий может прибегнуть к нефонологическому удлинению гласной и/или добавлению гласного шва-призвука в конце или начале слова (*о-ой^э, ^эой*). Ту же роль играет и редупликация ОЙ, что особенно характерно для женской речи. В следующем примере говорящая обескуражена очевидной бессмысленностью своей собственной оговорки. Помимо редулицированного ОЙ-ОЙ, здесь обращает на себя внимание разная акцентуация первого, ошибочного, варианта сочиненной именной группы — *животных и растений* — и второго, правильного — *животных и человека*. В первом варианте группа акцентируется интегрально — с единственным акцентом на втором конъюнкте (*растений*), во втором — с отдельными акцентами на каждом из конъюнктов; возникший акцент на слове *животных* призван подчеркнуть, что первый конъюнкт был назван правильно и исправлению подлежит лишь второй — *растений* заменено на *человека*:

- (4) Интересно/ ну/ наверное/ это результат/ связанный с клетками животных и растений/ *ой!*/ животных и человека. [Любовь Курганская. «Космический ковчег». Выступление на научном конкурсе Science Slam Samara (2014)]

/Наверное,
 это /результат,
 тот который связан с^э (э 0.32) клетками животных и \растений.
 (0.18)
 Ой- \ой!
 /Животных (э 0.36) и-и \человека.

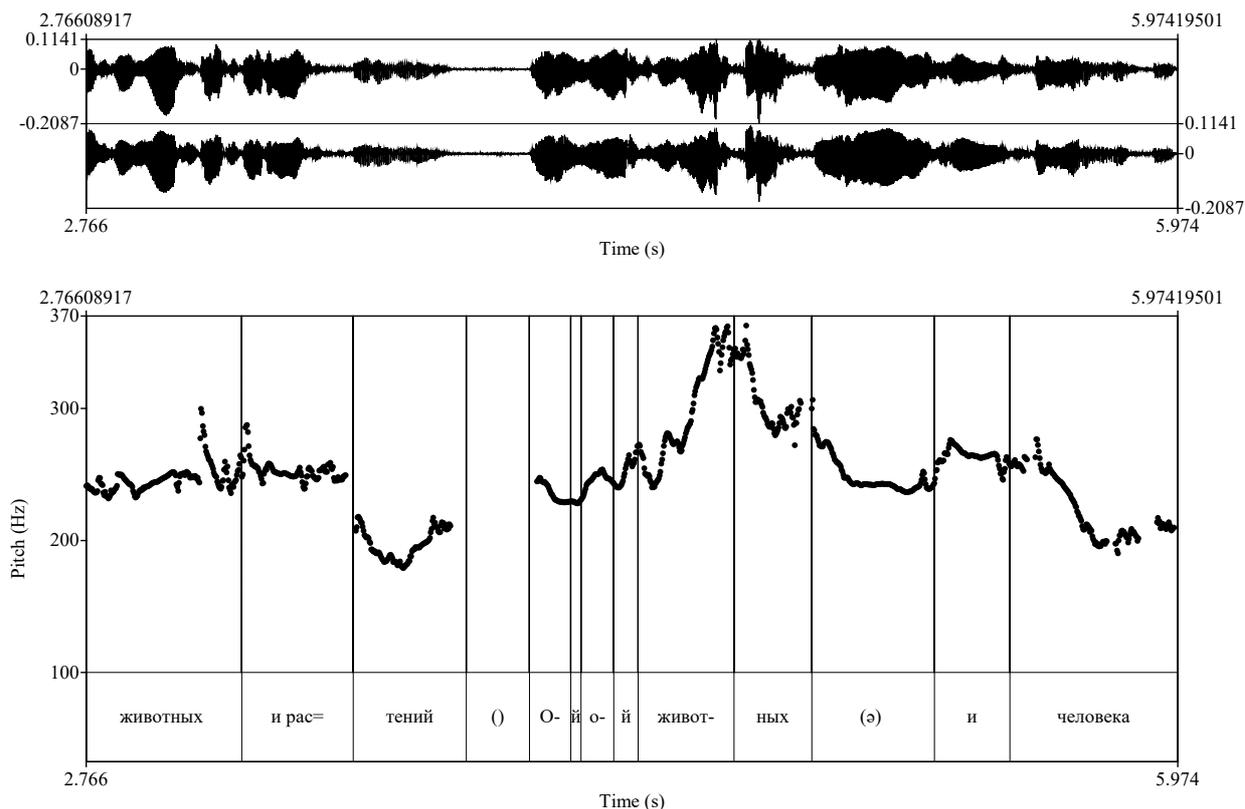

Рисунок 2. Осциллограмма и интонограмма примера (4)

Если усиление эмфазы связано с подчеркиванием досады на возникшую проблему, то используется такое фонетическое средство, как нефонологическое удлинение согласной финали междометия. Удлиняется Й — палатальный аппроксимант ([j] в стандартной записи МФА), Й может произноситься с придыханием (в принятом нами варианте транскрипции обозначается значком «^h» в верхнем регистре). Кроме того, [j] может реализоваться как палатальный спирант ([ç] в стандартной записи МФА); этот звук отсутствует в русской фонологической системе, и реализуется подобно немецкому *ch* в словах типа *Ich* или *möchte*. В принятом нами варианте транскрипции специального значка для него нет, приходится использовать «комментарии на полях».

В примере ниже ОЙ произносится как палатальный спирант с удлинением и придыханием. Здесь с помощью ОЙ говорящая выражает досаду в связи с тем, что испытывает трудности с поиском медицинского термина *пластома*. Дополнительно о трудности поиска свидетельствует вздох после междометия (нотируется как {sg}), чуть позже — сверхдлинная пауза 1.91 сек, и, в завершение, повтор слова *пластома* как подтверждение того, что слово в конце концов найдено верно:

- (5) Вот моего Сашки одноклассник умер/ писят три года. **Ой!** как же диагноз-то было?.. Пластома головного мозга. Пластома. [Беседа с Варварой Петровной за приготовлением лапши (2018)]

Λ^{Ой-й^h!}
 {sg 0.27}
 (0.66)
 –Как же \диагноз-то было?
 (1.91)
 Λ^{Пластома} (0.36) головного \мозга!
 (0.95)
 \Пластома.

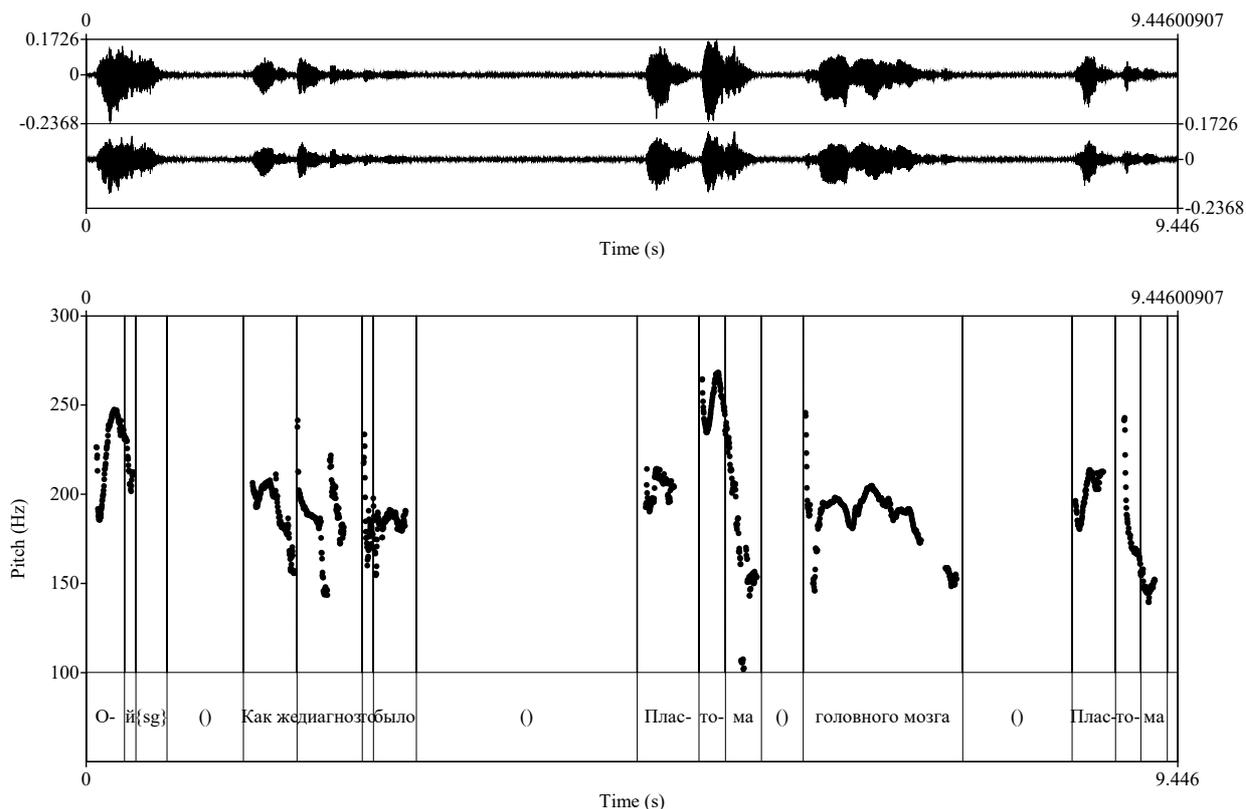

Рисунок 3. Осциллограмма и интонограмма примера (5)

Заметим, что палатальный спирант встречается в реализации ОЙ и вне интересующего нас контекста речевых сбоев, например, в (преимущественно) женском скептическом возражении (типа *Ой-й, я тебя умоляю!*) или при реакции на не очень существенный, но досадный физический раздражитель, как, например, при неприятной обработке незначительной раны (типа *Ой-й, подуй — циплет!*), о возможных реализациях [j] в конце слова, в том числе, при эмфазе см. Панов 1979: 108-110; Касаткин 2006: 169-170.

Таковы, в кратком изложении, фонетические свойства междометия ОЙ как сигнала речевого затруднения. Перейдем теперь к особенностям его употребления.

3 Функционирование междометия ОЙ в контексте речевого затруднения

Рассмотрим конструкции, которые свидетельствуют о речевом затруднении говорящего, и обсудим, как и когда междометие ОЙ встраивается в такие конструкции. Как мы постараемся показать, употребление ОЙ позволяет проникнуть в «лабораторию говорящего»: локализация ОЙ является достаточно точным индикатором той точки развертывания дискурса, где обнаруживается речевое затруднение. Мы последовательно рассмотрим употребления ОЙ в контексте коррекций, инициированных самим говорящим, случаи дублирования фрагмента, подлежащего коррекции, употребления ОЙ в контексте колебаний при планировании и в контексте коррекций, инициированных собеседником.

3.1 ОЙ в контексте коррекций, инициированных самим говорящим

Самым стандартным случаем является употребление ОЙ при самоисправлении говорящего, инициированного самим говорящим (self-initiated self-repairs, Fox et al. 1996). Обычно ОЙ размещается между репарандумом, т.е. фрагментом, который говорящий (в своей ипостаси ревизора) забраковывает, и репарансом, т.е. фрагментом, который выступает как замена, более соответствующая исходному речевому заданию. Так, в следующем примере репарандум — слово *карьер* = (возникшее, вероятно, в результате оговорки под влиянием предшествующего

упоминания); в точке обнаружения проблемы (оговорки) возникает междометие ОЙ, и далее следует репаранс *бульдозеры*. О серьезности речевого сбоя свидетельствует скрип (?), предшествующий ОЙ, и следующие за ОЙ заполненная пауза (в), абсолютная пауза, чмоканье {sm 0.14}, и снова скрип:

(6) ЧВ

и-и в какой-то /момент выходим на-а горный /карьер,
 (0.32)
 (ц 0.45)
 там вся эта /техника работает,
 (в 0.34) ^самосва-алы,,,
 ^карье-ер= ==
 (? 0.20) \ой-й,
 (в 0.70)
 (0.82)
 {sm 0.14}
 (? 0.22) ^бульдо-озеры-ы,,,
 (ц 0.86)
 (в 0.57) и вот такое разное горно-транспортное \оборудование.

3.2 Дублирование фрагмента, подлежащего коррекции

Часто при самоисправлении говорящему неудобно работать, ограничиваясь строго забракованным фрагментом, и приходится оперировать более крупной грамматически цельнооформленной единицей и уже внутри нее производить частичную коррекцию. Такой вынужденный повтор правильного фрагмента, синтаксически связанного с забракованным, в англоязычной практике принято называть термином *recycling* (букв. «вторичная переработка отходов»). Так, в примере (3) выше дублировалась вся количественная и группа, и внутри нее произведена коррекция (*сорок дней* заменено на *сорок недель*); в примере (4) выше дублировалась сочиненная именная группа и внутри нее произведена коррекция только одного конъюнкта (*животных и растений* заменено на *животных и человека*). В примере (7) ниже говорящая повторяет комбинацию «сказуемое плюс подлежащее», заменяя (исправляя) лишь подлежащее (*собирается ли прокуратура* заменяется на *собирается ли администрация Светлогорска*). Как можно увидеть на рисунке 4, повторное вхождение глагола *собирается ли* произносится намного быстрее — продолжительность первого 0.96 сек, второго — как вспомогательного и малоинформативного — всего 0.58 сек т.е. в 1.65 раза короче:

(7) Я вам подавала письмо насчёт аа не-незаконного выделения земель рекреационной зоны в посёлке Донского/ и собирается ли прокуратура/ *ой!* собирается ли администрация Светлогорска выполнить предписания прокуратуры о отмене этих постановлений — выделения незаконно этих земель. [Прямая линия с губернатором Калининградской области А.А. Алихановым (2017)]

\собирается ли прокуратура ==
 \ой!,
 собирается ли администрация-а (ц 0.37) /Светлогорска выполнить предписания
 \прокуратуры?

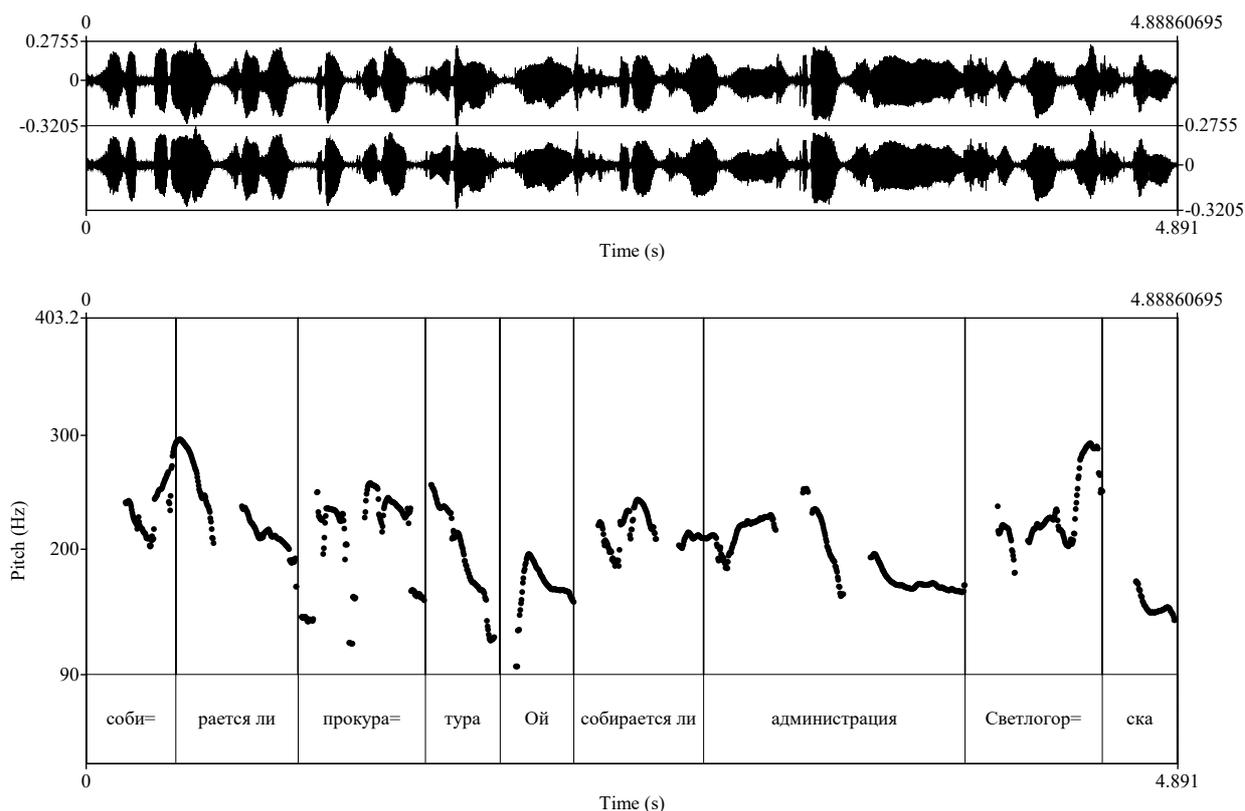

Рисунок 4. Осциллограмма и интонограмма примера (7)

Говорящий как ревизор не всегда срывает оперативно, и говорящий как нарратор успевает произнести после репарандума порцию дискурса, которая не подлежит коррекции, и только потом говорящий-ревизор прибегает к ОЙ как к сигналу обнаружения проблемы и дальше исправляет ошибку. Порцию дискурса, которая не подлежала коррекции, приходится после репаранса повторить — чтобы вернуться к правильному развертыванию дискурса. Тогда может возникнуть ситуация дискурсивной непроективности, т.е. последовательности типа «репарандум_i — «правильный» фрагмент_j — ОЙ — репаранс_i — «правильный» фрагмент_j», где «парные» элементы снабжены идентичными индексами. В примере (8) ниже эта последовательность выглядит так: *из Первомайского_i эти проблемы_j ой извините из Новосинеглазово_i эти проблемы_j*. Здесь репаранс полностью дублирует предположно-падежную форму репарандума (*из* плюс родительный падеж), а правильный фрагмент *эти проблемы* повторяется в неизменном виде:

- (8) у нас тоже есть проблемы/ и активисты/ в том числе из Первомайского/ эти проблемы/ **ой!** и-из-извините/ из Новосинеглазово/ эти проблемы нам помогают решать. [Ю.Б. Черкасов. Выступление на первомайском митинге в Новосинеглазово (2017)]

У нас тоже есть /проблемы,
 (ц 0.22)
 и-и /активисты —
 в том числе из /Первомайского,
 (0.11)
 — эти /проблемы ==
 (0.15)
 -\o-o³й!,
 из= || из= || изв= || \извините!,
 из /Новосинеглазово,

{exp 0.21}
эти /проблемы нам помогают \решать.

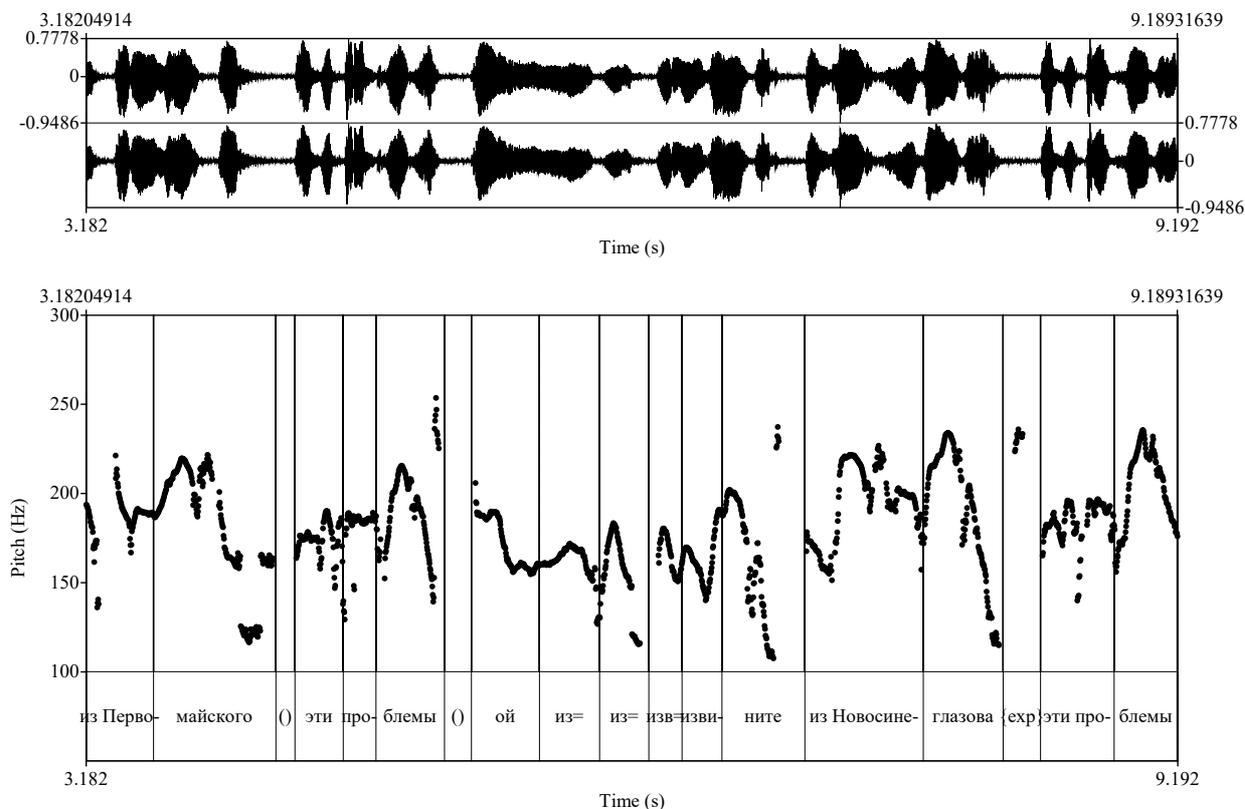

Рисунок 5. Осциллограмма и интонограмма примера (8)

В отличие от варианта recycling, который был проиллюстрирован выше в (7), здесь, в (8), вторично «утилизируется» фрагмент не слева от репарандума, а справа, и этот фрагмент не связан с репарандумом синтаксически. Пример (8) показателен еще и тем, что в нем, помимо ОЙ, имеются и другие сигналы речевого затруднения — это, прежде всего, эксплицитное извинение, размещенное после ОЙ перед репарансом. Кроме того, само извинение реализуется с троекратным повтором начального слога (*из= из= изв=*), а после репарандума перед повтором правильного фрагмента следует откашливание (*из Новосинеглазово {exp 0.21} эти проблемы*)³. Как видим на рисунке 5, возвращение к правильному развертыванию дискурса поддерживается просодически тем, что репаранс дублирует просодическое оформление репарандума: *из Первомайского* и *из Новосинеглазово* - основосложные слова с основным ударением на заключительной основе и вспомогательным — на первой; оба реализуются с «двугорбым» контуром: подъем на ударных слогах с последующим падением на заударных, особенно заметным на заключительной основе.

Помимо извинений, ОЙ часто сопровождается маркерами переформулирования (*вернее, точнее, то есть*). Так, в следующем примере (9) используется *то есть*, причем о затрачиваемых усилиях свидетельствуют повтор *то есть* и пауза, заполненная скрипом и «эканьем», это позволяет говорящему выиграть дополнительное время на поиск правильного репаранса после того, как ошибка была обнаружена. Заметим попутно, что пример (9) показывает, что извинение может располагаться не только контактно с ОЙ между репарандумом и репарансом, но и после репаранса:

³ Большое спасибо скрупулезному рецензенту, обратившему внимание на то, что при обращении к видеоклипу этого примера в зоне речевого сбоя у говорящего обнаруживаются еще и интенсивные жесты головы и руки, т.е. имеется и невербальный сигнал сбоя.

- (9) У одного из участников либо модель из конструктора Лего собранная/ ну такая/ не совсем тривиальная/ либо разложены фотографии звездного неба/ **ой**/ то есть/ то есть/ облачного неба/ простите. Звездного было бы/ конечно/ ещё круче. [Илья Утехин. Как устроен диалог? Лекция Полит.Ру (2017)]

(в 0.38) /либо /разложены /фотографии звездного \неба.

(0.57)

\°Ой!

То *есть* || *то есть* (?э 0.30) облачного \неба.

\Простите.

Еще одна распространенная тактика самоисправления состоит в том, что после ОЙ следует повтор репарандума с отрицанием, который предшествует репарансу:

- (10) ЧВ

и там точно такие же ^белые круглые || (0.53) (?1.06) *белый круглый /пол,*
на котором *белые круглые* ==

\Ой-й!

(0.34)

Они не \круглые.

Просто белые /полки,

(ц 0.27)

и стоит девушка в /белом,

Ту же функцию, что и отрицание, при повторе репарандума может выполнять саркастическое воспроизведение. Так, в следующем примере говорящая ошибочно квалифицировала музей как *муниципальный*, тут же заметила ошибку, сигнализировала о ней с помощью ОЙ и, прежде чем произвести замену на правильное *корпоративный*, саркастически повторила ошибочное *муниципальный* в смысле ‘Ну, какой такой муниципальный! Что это я говорю!’. Повтор артикулирован безударно и в высоком темпе (нотировано курсивом в транскрипте), фразовый акцент на ОЙ. Заметим также, что репаранс не удался говорящей с первой попытки — ему предшествует оборванное *зав=* (предположительно — *заводской*):

- (11) [Студентка, жен, Студентка] А то есть музей/ сам он э государству принадлежит или он частный?

[Экскурсовод, жен, Работник культуры] Нет/ заводу... заводу... муниципальный/ ой/
муниципальный/ [Нрзбр] **корпоративный** музей.

[Студентка, жен, Студентка] Угу... [Разговор в музее (2014)]

\Нет!

\Заводу.

(0.49)

\Заводу.

(0.48)

\Муниципальный.

\Ой *муниципальный!*

Зав= ==

\Корпоративный музей.

3.3 ОЙ в контексте хезитации

До сих пор мы видели, как ОЙ используется в тех случаях, когда говорящий обнаруживает в собственной речи сегмент, не соответствующий исходному замыслу и нуждающийся в редактировании (замене или отмене). Но ОЙ может использоваться как сигнал возникшей проблемы с поиском слова — даже если никаких ошибок, нуждающихся в исправлении, не было сделано. Один такой пример был показан выше в (5), где говорящая пыталась вспомнить трудный для нее медицинский термин. Хезитация может быть связана как с трудностью поиска

подходящей вербализации, так и просто с извлечением из памяти конкретной именованной сущности, как в примере ниже, где говорящий не может вспомнить конкретную фамилию:

- (12) Но и-и-интересно/ что я написал тоже соответственно статью/ в своей газете «Сельской нови»/ и када.../ **ой**/ как же его/ известный-то краевед/ Бравицкий или.../ вот я забыл его//
 Всё время фамилия вылетает// [О походе по маршруту Арсеньева (2016)]

3.4 Ой в контексте коррекций, инициированных собеседником

Во всех предыдущих примерах мы видели, как говорящий (в своей ипостаси ревизора) сам обнаруживает в своей речи проблему и ее устраняет. Но бывают случаи, когда говорящий замечает и устраняет проблему, только когда на нее ему указывает собеседник — это так называемые *other-initiated self-repairs* (Fox et al. 1996). Обнаружение проблемы «с подсказкой» тоже может сигнализироваться с помощью Ой. Подсказка собеседника чаще всего имеет форму переспроса или наводящего вопроса, как в примере ниже:

- (13) [Студент2, жен, Студент] Я сёдня хотела купить золотой лак. Но я не нашла его.
 [Студент1, жен, Студент] Почему золотой?
 [Студент2, жен, Студент] Накрасить мизинец.
 [Студент1, жен, Студент] Один мизинец?
 [Студент2, жен, Студент] По шен-шую-.
 [Студент1, жен, Студент] То есть даже не безымянный/ а мизинец?
 [Студент2, жен, Студент] **Ой**/ безымянный.
 [Студент1, жен, Студент] Один? Не два?
 [Студент2, жен, Студент] Ну/ можно ещё средний. [Дружеская беседа (2014)]

Говорящий обычно реагирует на подсказку немедленно, часто не дожидаясь ее окончания. Так, в следующем примере говорящий произносит Ой и приступает к исправлению уже в середине переспроса. Наложение реплики говорящего и собеседника показано ниже в транскрипте с помощью квадратных скобок, а на рисунке 6 — отдельным аннотированием реплик во временной развертке:

[Зритель №2, муж] У меня вопрос ко всем участникам. Аа скажите/ пожалуйста/ вот мы все знаем/ что есть Фонд обязательного социального страхования/ есть...

[Титов Михаил, муж, телеведущий] Обязательного социального или обязательного медицинского?

[Зритель №2, муж] **Ой**/ обязательного медицинского/ конечно. [Дебаты участников предварительного голосования по определению кандидатов в депутаты в Государственную думу в Санкт-Петербурге (02.04.2016) (2016)]

Sp1 что есть \Фонд обязательного социального /-страхования,,,
 (0.96)

есть ==

Sp2 Обязательного /социального [или обяза][тельного \ме][дицинского?

Sp1 [\Ой-й?!] [(0.29)] [Обязательного \медицинского!

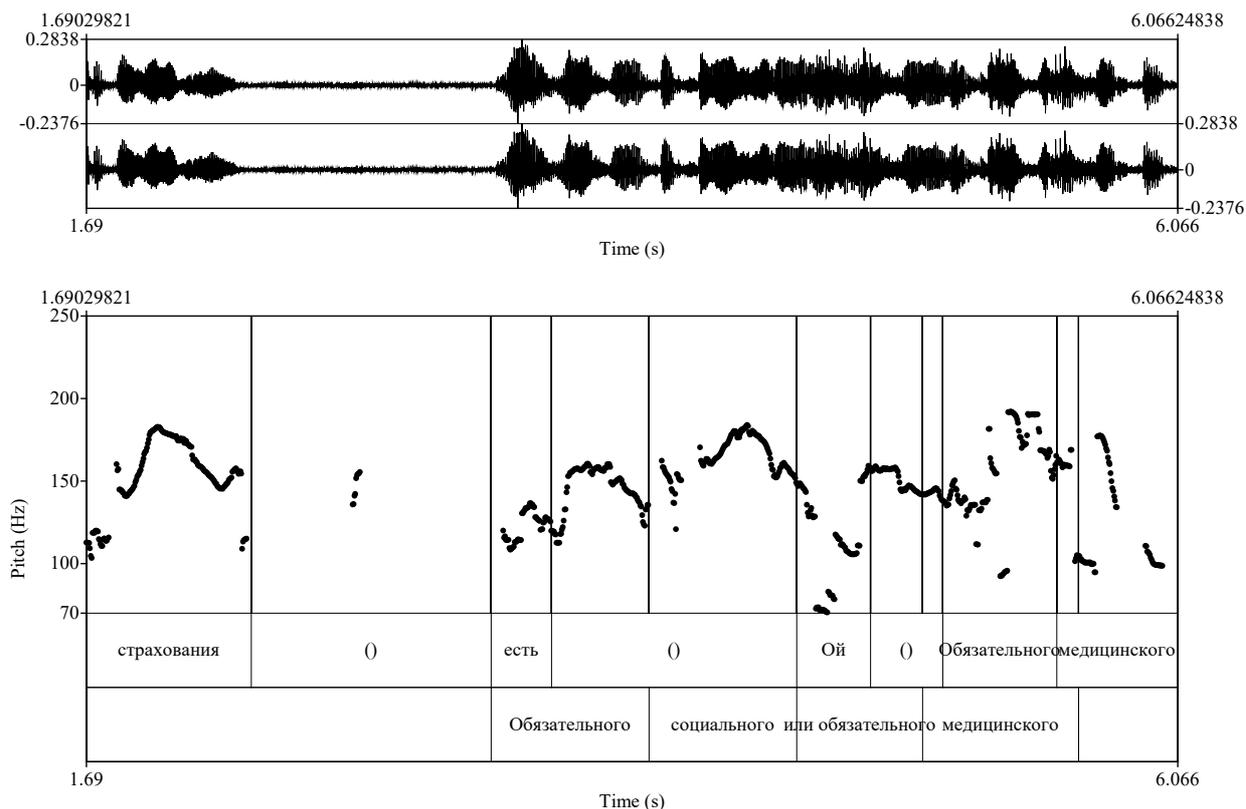

Рисунок 6. Осциллограмма и интонограмма примера (14)

Таковы, в самом общем виде, основные паттерны употребления ОЙ в качестве сигнала о речевом затруднении. В следующем разделе мы покажем, насколько — в количественном отношении — эти паттерны вписываются в общий массив употребления междометия ОЙ.

4 Количественный анализ употреблений междометия ОЙ по данным МУРКО

Для оценки частотности ОЙ как маркера речевого сбоя мы выделили два подкорпуса МУРКО — тексты устной публичной речи (540 текстов 2 078 079 слов) и тексты устной непубличной речи (105 текстов 89 329 слов), исключив из рассмотрения тексты других классов МУРКО (кино и театральная речь, художественное и авторское чтение) — как менее спонтанные.

Частотность междометия ОЙ в целом характеризуется следующими цифрами: в текстах устной публичной речи встретилось 188 вхождений ОЙ, т.е. $ipm = 90.5$ или 0.0905 на 1000 слов; в текстах устной непубличной речи встретилось 116 вхождений ОЙ, т.е. $ipm = 1300$ или 1.3 на 1000 слов. Таким образом, ОЙ в устной непубличной речи встречается, как и можно было ожидать, многократно чаще — почти в пятнадцать раз (более точно, в 14.36 раза).

Интересно однако, что доля ОЙ как маркера речевого сбоя по отношению к общему числу употреблений ОЙ оказывается почти одинаковой в публичной и непубличной разновидностях устной речи. Методом сплошной проверки мы установили, что из 188 вхождений ОЙ в текстах подкорпуса устной публичной речи 20 случаев — это ОЙ как маркер речевого сбоя, что составляет 10.6%. Сходным образом, из 116 вхождений ОЙ в текстах подкорпуса устной непубличной речи 16 случаев — это ОЙ как маркер речевого сбоя, что составляет 13.8%. Таким образом «вклад» ОЙ как маркера речевого сбоя в общее число употреблений этого междометия лишь незначительно выше в непубличной устной речи по сравнению с публичной.

Эти количественные данные позволяют предположить, что общее распределение употреблений ОЙ и распределение ОЙ как маркера речевого сбоя регулируются не одними и теми же факторами. Общее распределение связано с мерой спонтанности и публичности речи: междометия как экскламативные дискурсивные маркеры становятся более уместными, когда

говорящий не скован дисциплинарными установками и может позволить себе более свободно выражать эмоции и давать оценки. А распределение ОЙ как маркера речевого сбоя связано еще и с плотностью самих речевых сбоев. Разумеется, эта плотность варьируется у индивидуальных говорящих, но при этом она в большой степени зависит от общих принципов, регулирующих порождение неподготовленного дискурса (см. подробнее Podlesskaya 2015). Возможно, какие-то из этих принципов оказываются не очень чувствительны к мере публичности дискурса и более чувствительны к его спонтанности.

5 Заключительные замечания

Мы проанализировали особый класс употреблений междометия ОЙ — употреблений, в которых говорящий использует это междометие в качестве сигнала о проблеме, возникшей в ходе речепорождения. Эта проблема может быть связана с тем, что говорящий обнаруживает что породил некоторый отрезок дискурса, который его не устраивает или породил отрезок дискурса не в той точке, где это соответствует исходному замыслу — тогда ОЙ возникает совместно с самоисправлением. Проблема может быть связана и с тем, что говорящий испытывает трудности с планируемым фрагментом и ему требуется время, чтобы это планирование осуществить — тогда ОЙ возникает совместно с сигналами хезитации — заполненными паузами, нефонологическими удлинениями звуков и т.д. Междометие ОЙ может возникать и как реакция на реплику собеседника, указывающую на замеченную проблему в речи текущего говорящего — тогда ОЙ возникает как сигнал кооперации — «да, действительно, есть проблема, устраняю».

Способность ОЙ употребляться в качестве срочной реакции на проблему помогает лучше понять общие принципы, регулирующие порождение неподготовленного дискурса. Появление ОЙ помогает оценить, в какой точке речепорождения говорящий обнаруживает проблему, какой участок дискурса говорящий решает забраковать, считает ли он необходимым подвергнуть обработке только ошибочное звено или требуется «захватить» и соседние и т.д. Оценивая окрестность междометия — наличие пауз, обрывов, повторов, изменений в темпе и акцентуации проблемных отрезков, мы можем оценить трудоемкость обработки проблемных участков дискурса. Анализ сигналов, подобных ОЙ, позволяет продвинуться к пониманию когнитивных процедур, обеспечивающих развертывание дискурса.

Благодарности

Я благодарю Ольгу Валентиновну Антонову за помощь с разделом, посвященным сегментной фонетике, и анонимных рецензентов за подробный анализ первоначальной версии этой работы.

Литература

- [1] Касаткин Л.Л. (2006). Современный русский язык. Фонетика, Москва: Издательский центр «Академия».
- [2] Кибрик А. А., Подлеская В. И. (Ред.) (2009). Рассказы о свидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. Москва: Языки славянских культур.
- [3] Коротаев Н. А., Паньшева Д. А., Неверова Е. А., Подлеская В. И. (2024). Корпус «Что я видел» как инструмент анализа панического дискурса // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2024 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 32-37.
- [4] Кузнецов С.А. (2003). Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. // Грамота.ру : справ.-информ. портал. — URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> [дата обращения: 02.04.2024].
- [5] Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. (2019). Большой универсальный словарь русского языка. М.: Словари XXI века.
- [6] Панов М.В. (1979). Современный русский язык. Фонетика. Москва: Высшая школа.
- [7] Шаронов И.А. (2009). Междометия в языке, в тексте и в коммуникации. Автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. Москва: РГГУ.
- [8] Янко Т. Е. (2008). *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*. Москва: Языки славянских культур.

References

- [1] Boersma, Paul; Weenink, David. (2021). Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.1.38, 2021. Access mode: <http://www.praat.org/>
- [2] Fox B.A., Hayashi M, Jaspersen R. (1996). Resources and repair: a cross-linguistic study of syntax and repair. In: Ochs E, Schegloff EA, Thompson SA, eds. *Interaction and Grammar*. Studies in Interactional Sociolinguistics. Cambridge University Press, 185-237.
- [3] Janko T. E. (2008). Intonacionnye strategii russkoj rechi v tipologicheskom aspekte [Intonational strategies in spoken Russian from a comparative perspective]. Moskva: Jazyki Slavjanskix Kul'tur.
- [4] Kasatkin L.L. (2006). *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian. Phonetics]. Moskva: Izdatel'skii tsentr «Akademiya»
- [5] Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. [Eds.] (2009). *Rasskazy o snovidenijax: korpusnoe issledovanie usnogo russkogo diskursa* [Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Jazyki Slavjanskix Kul'tur.
- [6] Korotaev N. A., Panyшева D. A., Neverova E. A., Podlesskaya V. I. (2024). Korpus «Chto ya videl» kak instrument analiza panicheskogo diskursa // «Slovo i zhest». Nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati E. A. Grishinoi («Grishinskie chteniya»). Moscow, February 8, 2024. Materialy konferentsii. / Otv. red. S. O. Savchuk. – M.: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAS, 32-37.
- [7] Kuznetsov S.A. (2003) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb. // Gramota.ru : URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> [access date: 2.04.2024].
- [8] Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Lutsкая N. M. (2019). *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka*. M.: Slovari XXI veka.
- [9] Panov M.V. (1979). *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian. Phonetics]. Moskva: Vysshaya shkola.
- [10] Podlesskaya V. (2015). A corpus-based study of self-repairs in Russian spoken monologues // *Russian Linguistics*, Volume 39, Issue 1, 2015, 63-79.
- [11] Sharonov I.A. (2009). *Mezhdometiya v yazyke, v tekste i v kommunikatsii*. Avtoreferat diss. ... d-ra filol. nauk. Moskva: RGGU.